

Вагиш #ук

ШИНЕЛЬ

•

Куда я еду, что я там забыл,
Зачем я им, рассеянный и старый?
Вольно мне пересчитывать столбы,
Гонять по небу облаков отары.

Зачем душа учиться расхотела
В прохладных долгих классах декабря,
Где холм таинственный родного словаря
И женщины загадочное тело?

•

Мой коммунист, мой огородник,
Мой стэпмен, мой артиллерист,
Мой превосходный, мой добротный,
Природный перфекционист.
Мой командир, мой подчиненный,
Мой многодетный, мой скорняк,
Чему не надо не ученый,
Чему по делу, то верняк.
Шинель. Потом пальто из драпа.
И жизнь — одна на одного.
Его Святейшество мой папа,
Ручищи нежные его.

•

Нашей армии собаки
Нашей гвардии гепарды
Нашей партии медведи
Нашей родины сыны
Наших юностей бараки
Наших планов авангарды
Наших девушек миледи
Наших грядок кавуны
Наши бабки в медальонах
Наши чудо-обереги
Наша сданная посуда
Наши дети на бегу
Наши воды в павильонах
Наш Печорин наш Онегин
Наше — всё. Иди отсюда.
Всё. Я больше не могу.

•

У женщины беременной — внутри,
Как баобаб разросшегося тела,
Пылают факелы, мерцают фонари,
То полонез звучит, то тарантелла.

Грядущее будя и бередя,
Плетутся козни, варятся измены —
Какие в человеке победят
Неистово рассыпанные гены?

Работа, созиданье, толкотня,
Куется столбик, роется ложбинка,
Любовно формируется ступня,
Стремится к носу легкая горбинка.

Там сварка первозданная искрит,
Там ангелы с тревогами своими.
Покуда не раздастся первый крик
И чудное не засверкает имя.

•

Из путей и вероятий,
Что душа себе возьмет?
Только шелковых объятий
Общий том и переплет.

Алкобольные напитки,
Да таинственный вокзал,
Да колечко на калитке,
Да раскосые глаза.

Чтоб колеса не умолкли,
Чтобы жар и холодок,
И над убежавшей елкой
Неба серый ободок.

•

Она составила мохито,
У ней в наушниках хиты,
На ней хитон в Шанхае сшитый
Непредставимой красоты.

Ей кошка тычет в локоть рыло,
Хотя, быть может, это кот.
Она шампусик отворила,
И вот она шампусик пьет.

Она оставит дверь открытой,
Быть может, кто-нибудь зайдет.
От полусладкого с мохитой
Под утро заболит живот.

Она позвонит в полночь Вере,
Когда объявят новый год.
У Веры тоже настезь двери,
К ней тоже кто-то не идет.

На всей седьмой вселенской суши
Никто к ним не идет. Никто.
И Яковлев стоит под душем
В пальто.

•

И Глобы врут нам и другая шушера,
И мы готовы верить всей душой,
Как Малая, должно быть, верит Вишера
Словам несуществующей Большой.

Как будто звезды в полонез становятся,
И мир в небесном плавится огне,
Чтобы какая-нибудь Таня-Овица,
Слюбилась с Овном-Ваней наконец.

А звезды сами по себе — мустангами,
Забив лучи на всякий гороскоп.
Гагарин вон летал — не видел ангелов,
А наши нас с утра целуют в лоб.

А наши не велят нам наше горюшко
Слезами заливать или вином...
Зато проснешься и увидишь — перышко
Перед застывшим кружится окном.

•

Намыливая рыбью спину,
На рыбью глядя худобу,
Папаня мне — малютке сыну —
Никак не мог предречь судьбу.
Ни сверху, ни с торца, ни сбоку,
Ну, просто, вообще — никак.

Торчал херишко одинокий,
Мигали глазки, как маяк.
Стучали в ванную соседи,
По коридору плыл фольклор,
И Сталин, обкурившись, бредил
Своей «Герцеговиной Флор».
А мой майор — адепт «Казбека»,
Гонял мочалку по спине
Моей. Посередине века,
На Петроградской стороне.